

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 30 • октябрь • 1983

— Я же говорил: держитесь подальше от устья сплавной реки!

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

ФЕЛЬЕТОН «ЛЕСОЕД В ТРЕУГОЛЬНИКЕ» ЧИТАЙТЕ НА СТР. 2—3.

ИЮНЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК КПСС

КРОКОДИЛЬСКИЙ ПОСТ

А. БЕНЮХ, А. СЛАВИН, специальные корреспонденты Крокодила и газеты «Лесная промышленность»

ЛЕСОЕД В ТРЕУГОЛЬНИКЕ

Треугольники, как известно, бывают разные — начиная от равнобедренного и кончая любовным. Сибирский лесной треугольник с вершинами Красноярск — Лесосибирск — Чунояр опасно смахивает на Бермудский — по крайней мере по числу загадочных потерь. Миллионы кубометров леса пропадают здесь таинственным образом. Словно некое чудище с хрустом пожирает стволы, ублажая свою ненасытную утробу.

Раздувая от нетерпения все четыре ноздри, корреспонденты погрузились в зеленое море тайги и устремились на поиски таинственного лесоеда.

ВОСЕМЬ НЕРОЖДЕННЫХ СТУЛЬЕВ

Если бы стулья мадам Петуховой сработал не англичанин Гамбс, а, скажем, какая-нибудь Межсибирская мебельная фабрика имени Ермака Тимофеевича, то дальновидный Остап, найдя первые четыре стула, мог бы на том и прекратить свои суетные поиски. Он живо бы смекнул, что остальных восьми стульев просто не существует в природе, ибо на них не хватило древесины. Потому что из каждых двенадцати спиленных сосен до потребителя дополызают едва ли четыре. Остальные ложатся деревянными костьми на крестном лесозаготовительном пути.

Прежде всего изрядная часть дерев неумолимо приносится в жертву бездорожью. Гордые сосны вынуждены покорно ложиться в грязь и мостить собой путь на склад более везучим своим сестрам. Асфальтовое шоссе к делянкам не прокладывают — считается, что слишком жирно будет. Таежную непролазь устилают бревенчатой гатью и по ней волокут падших ангарских красоток, мотающих зелеными патлами.

К сожалению, волокут не всех. Иные так и будут валяться позабытые-позаброшенные на делянке. Им не суждено стать школьной партой, стойкой бара или спинкой стула. Их незавидная планида — служить вкусным трехразовым питанием для многих поколений короедов и прочих таежных членистоногих гурманов.

Однако златоствольные полонянки трелевочных тракторов не столь покорны судьбе, как это может показаться. Иные из них дают стрекача при первой же возможности. По берегам Енисея тянутся лежбища бревен-беглецов. И собралось их — страшно подумать — полтора миллиона кубометров!

Может быть, их не ловят? Увы, еще как. Ловцы живота своего не жалеют. Но...

ШТРАФ ЗА СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ

Ловцы, как известно, бывают разные. Но одно роднит их: они знают, зачем и для кого ловят. Бабочку «Парусник Штуббендорфа» наркают сачком, чтобы завистливо ахнул сосед-энтомолог. Преступника ловят, чтобы заточить за решетку. Но есть на свете ловцы, которые арканят добычу неизвестно для чего и для кого. Мы имеем в виду профессиональных ловцов блудных бревен, бесхозно плывущих по Ангаре и Енисею. Одни отбились от растерзанных ледоходом плотов, другие скатились в реку, смытые вешними водами. Бревна дают деру в таких масштабах, что заранее установлен план их поимки — сто тысяч кубометров древесины в год! Бревноловы даже объединены в специальный коллектив — Нижнеенисейскую сплавную контору.

Но как поступить с бревном, пойманным при попытке бегства в море? Отправить по водному этапу обратно к комбинату, где из него сделают отличные стулья? Попробуй сплавь обратно, против течения, банду упирающихся бревен. С повинной не поплывут, добровольно под пилораму шею не подставят.

Конвоировать буксирно — разорение. Хорошо бы, конечно, четвертовать на месте поимки. Увы, где-нибудь у Туруханска перерабатывающих комбинатов нема. Там лесотундра, заселенная нефтяниками, геологами, которым лес только подавай — строиться и обогреваться. Но — роковое, абсурдное «но» — спасенный, выловленный лес продаже НЕ ПОД-ЛЕ-ЖИТ!! За продажу деревянного улова «на сторону» — штраф. И Нижнеенисейская сплавная контора таковых штрафов выплачивает до миллиона рублей в год. А уплыви лес в море, и все будет тихо — ни тебе штрафов, ни волнующих посиделок с прокурором. Еще спокойнее — вытянуть пойманный лес на берег и оставить гнить. Так совсем хорошо и законно.

И, понимая всю степень своей простофильности и сгорая от стыда за свою дремучую профанность, мы спросили:

— За что штрафы-то? И зачем рандеву с прокурором? За спасение утопающих медали надо давать! Неужто государству выгоднее, чтобы бревна задарма уплыли в Карское море или законопослушно сгнили на берегу?

Ответом нам был язвительный хохот красноярских снабженцев.

— Ах вы, очаровательные юридически незрелые младенцы! Инструкция не велит продавать лес организациям, не имеющим официально утвержденного фонда на покупку леса. А менять инструкции — это уж столичных умов дело.

КУДА СТАВИТЬ ГИЛЬОТИНУ?

Каждой сосне не избежать участи Марии-Антуанетты — рано или поздно ее обезглавят, то есть срежут напрочь вершинку. Но если тогда в Париже не возникало споров, где проделать эту нехитрую операцию — адрес «Гревская площадь, гильотина» знал каждый гаврош, — то на Ангаре уже девятый год кипят дебаты на тему, где обезглавить сосну — в верховьях, на приречных складах или в низовье, в лесопильной столице Сибири, городе Лесосибирске.

Спорить-то вроде бы и нечего. На верхних приречных складах не на чем перерабатывать всякие там вершинки да комли. На лесосибирских же шикарных лесопильно-деревообрабатывающих комбинатах можно приспособить к делу все дерево целиком — от вершков до корешков. Поэтому, казалось бы, чего логичней — бросай хлысты в воду, увязывай в пучки и пускай вплавь до Лесосибирска. Но — ах! Первыми разводят руками сплавщики.

— Из хлыстов плотов не вяжем! — печально вздыхают они.— Лесосибирск хлысты на дух не переносит. Так что предварительно приходится укладывать хлысты на прокрустово ложе...

И вот перед сплавом несчастному хлысту не только отсекают голову, но и четвертуют. Причина свирепой экзекуции: сплоточная машина увязывает бревна не длиннее шести с половиной метров и не короче четырех. Если при такой прокрустовой разделке образуется остаток, скажем, ладненький трехметровый круглячок, то тем хуже для ладненького: в дорогу его не возьмут, и судьбина горемычному недомерку — пылать на берегу ясным пламенем в одном костре с вершинками.

И вновь, понимая всю степень своей простофильности и сгорая от стыда за свою дремучую профанность, мы осве́домились:

— А скажите, пожалуйста, почему все-таки красавцы комбинаты в Лесосибирске уже девятый год брезгливо воротят носы от хлыстов и привередливо требуют только чистеньких, кругленьких бревен?

В ответ раздался богатырский хохот лесосибирских комбинатчиков:

— Ах вы, романтичные несмышленыши! Да еще не родился на свет такой хозяйственник, который, в ясном будучи уме, захотел бы усложнить себе жизнь. Чтобы принимать хлысты, нужно строить пирс, монтировать дополнительные краны, ставить гильотины, то бишь раскряжевочные линии. Куда как проще жить без этого...

РЕЦЕПТ ДЛЯ СПАСЕНИЯ ВЕНЕЦИИ

Когда в Венеции рассказывают о Стрелковской лесоперевалочной базе, венецианцы зеленеют от зависти. И есть от чего: в то время, как территория Венеции неумолимо оседает, лесобиржа Стрелки вот уже в течение двух десятилетий неуклонно поднимается на один сантиметр в год. Столь высоких показателей руководство базы в лице ее директора Ю. Д. Баскакова и главного инженера В. С. Губича достигло благодаря упорному труду: в недра лесобиржи их стараниями закопаны тысячи кубометров шпалы и бруса по семьсот рублей за комплект, не считая прочей требухи в виде горбыля, коры, щепы. И сегодня лесобиржа день и ночь растет над собой. Но вот незадача: отходов и невывезенной продукции образуется столько, что даже при самом рьяном желании руководства все закопать просто невозможно. Поэтому приходится сжигать.

Водитель новенького КамАЗа Виктор Латыпов доставил нас в самую геенну огненную. Вокруг тлели и искрились холмы из щепы и опилок, не спеша вальсировали большие и малые дымы. Предав огню несколько упаковок горбыля, Виктор пояснил:

— Отвал как война — все спишет. Вот и возим в три смены. По сто тысяч кубов в год кремируем, поддаем жару окружающей среде.

И тут нам в голову пришла сумасбродная и, возможно, даже бредовая мысль. Понимая всю степень своей простофильности и сгорая от стыда за свою профанность, мы пролепетали в пространство:

— А что, если не сжигать и не закапывать, а использовать это сырье для производства, например, чего-нибудь такого, древесностружечного?

В ответ послышалось грустное хихиканье. Обступившие нас пильщики и пильщицы смеялись над нами как над неисправимыми простаками. И стали загибать пальцы.

— Во-первых, не на чем превращать отходы во что-нибудь древесностружечное. Нет у нас для этого оборудования — так и запишите. Второй палец загибаем — то, что производим, храним как попало. Пишите: «Что имеем — не храним» И третий палец на загиб — вывозят черт знает как. Два ведомства — лесное и речное — не могут состыковать свои планы. Штабеля готовой продукции на берегу видели? Похоже на слоеный пирог, правда? Только он у нас наполовину несъедобный. Беленький верхний слой — свежий, а нижний, темный,— залежалый. Погрузчики до него не добираются, вот он и гниет. Приходится жечь...

Боязливо оглядываясь, группа работниц показала нам безымянные братские могилы, в которых погребены бесчетные кубы. Для опасений были основания. Директор Ю. Д. Баскаков крутехонек, недавно народные контролеры О. С. Заозерная и Т. С. Хомич умылись горючей женской слезой за разглашение биржевой тайны. На базе есть биржа сырья, где по баскаковскому недогляду шесть лет проваливались и

благополучно прогнили четыре тысячи кубометров бревен. Спохватившись, директор решил метким выстрелом убить двух зайцев: замести следы и полностью загрузить оборудование. Он распорядился отправить гнилье в цех на распил. Цех в три смены гнал заведомый брак. А затем, естественно, трухлявая шпала и подопревший брус отправились по накатанной дорожке прямиком на аутодафе.

Шпала, если хотите знать,— продукт аристократический. Как телячья вырезка. Из отборной ангарской сосны вырезается аппетитная шпальная сердцевинка. Остальное почему-то именуется непрестижным словом «отходы». Хотя из этих «отходов» можно выделать десятки видов продукции — от долговязой доски до субтильной тарной дощечки, не говоря уже о щепе, позарез потребной для изготовления древесных плит и бумаги. И всегда найдется охочий покупатель на всякий мало-мальски приличный кусок сосновой «туши», оставшийся после извлечения из нее шпальной «вырезки».

Но — ах, опять это обрыдлое, остужающее «но»! — покупателю показывают впечатляющий, инструктивно-бюрократический шиш. Продавать отходы шпалопиления ЗА-ПРЕ-ЩЕ-НО! И потому семьдесят тысяч кубометров древесины уныло гниют на нижнем складе объединения «Чуноярлес».

И, остро переживая свою простофильность и сгорая от стыда за свою невыносимую профанность, мы дуэтом возопили:

— Почему же не продать-то хорошим людям, когда все равно погибает!?

Презрительный смех красноярских снабженцев был нам ответом.

— О слепые, некомпетентные котята! Не знаете вы низменной натуры человеческой — этим чуноярцам только волю дай, разреши им отходы продавать, так они под видом дровишек всю отборную продукцию налево пустят.

Мы подивились столь мрачному анализу души человеческой и решили потолковать на этот счет с железнодорожниками. Перевозчики — они как извозчики — знают, почем нынче овес и кто, что, куда возит.

И вот мы в кабинете В. П. Бабенко, заместителя начальника Красноярской железной дороги.

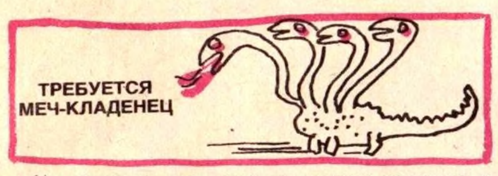
— В кругах, близких к лесу, поговаривают, Валентин Петрович,— робко начали мы,— будто в Братске не загружено мощное рубительное оборудование и сырья бумажникам не хватает. Вот бы из Чуноярa-то и отправлять туда чурочки, обрезочки, недомерочки и разные прочие балансы.

— Не положено! — отчеканил Валентин Петрович.— Везти балансы на восток — это встречные перевозки, что сурово запрещено. Пусть везут щепу. Щепу можно.

В голове у нас все перепуталось.

— Значит, для чурок и балансов — перевозки встречные, а для щепы не встречные. Какая дороге разница, с каким грузом вагон по рельсам пойдет?

— Не положено,— со стальной, как рельс, убежденностью подытожил Валентин Петрович.

Но кажется, уже пора из мелких занозистых частностей сколотить всеобъемлющее резюме. Мы решили, что лучше всего нам помогут в этом деле товарищи ученые, доценты с кандидатами. Тем более что острого дефицита в теоретиках лесопользования в стране пока не наблюдается. Только в четырех красноярских институтах работают четыреста докторов и кандидатов окололесных наук. Мы, правда, предпочли проинтервьюировать столичного знатока проблемы — заместителя директора по научной работе Центрального научно-исследовательского и проектно-конструкторского института механизации и электрификации лесной промышленности В. В. Коробова.

— Наша генеральная линия — рубить больше, быстрее и дешевле! — лозунгово изрек Валентин Васильевич.

— И соответственно наращивать потери древесины? — с опаской осведомились мы.

— Потери не в русле нашей основной тематики,— поморщился Валентин Васильевич.

Несколько обескураженные, мы направились в Минлесбумпром СССР, где тоже напряженно пульсирует лесозаготовительная мысль.

— Вы, конечно, по вопросу о потерях древесины? — упредил наш вопрос начальник Главлеспрома А. Е. Скоробогатов.— Понимаю и разделяю ваше беспокойство.

— Огромные потери,— унисонно вздохнули корреспонденты.

— Не то слово! — поправил Анатолий Ефимович.— Чудовищные!

— Так кто же виноват, и вообще доколе??!

К чести тов. Скоробогатова, он не стал укрывать виновных. Монотонно и усыпительно зажурчал, казалось, бесконечный список грешников, в котором полные имена организаций и отдельных лиц перемежались аббревиатурами типа Минстройдормаш, Минречфлот, Минмаш, МПС. (Последнее было произнесено с особо драматическим зубовным скрежетом.)

Обмозговав ситуацию, мы вылущили из нее вывод. Он оказался прост, как ошкуренное бревно: пора всем миром выйти на чудище лесоеда и прикончить его. Но для этого надо четко представить облик хищника, потравщика наших лесов. Лесоед представляется нам четырехглавой гидрой. Морду первую зовут Удалая расточительность. Бесшабашное растранжиривание леса проистекает от укоренившейся порочной идеи, будто лес — что твоя бессчетная трава, только подлиннее и потверже.

Морда вторая, не менее противная,— Межведомственный разнотык и плановая рассогласованность. Сейчас возчик рубщику не то чтобы волк, но и не близкая родня. А ведь есть эталонный пример гармонии между ними: «Отец, слышишь, рубит, а я отвожу». Отец знал, сколько хвороста нарубить, чтобы лошадка потянула и ни одна хворостинка с воза не упала, не пропала.

Морда третья, тоже ужасно антипатичная,— Острая недостаточность лесоперерабатывающих предприятий. Не хватает комбинатов, бирж, баз, цехов, пилорам, особенно их мало там, где они особенно нужны.

Четвертая пасть прикрыта желтенькой маской благонамеренности. Отчего налет желтизны? Да потому, что склеена маска из устарелых, пожелтевших от времени инструкций и указаний. Вроде бы они гаранты порядка, но при соприкосновении с иными из этих бумажек здравый хозяйственный смысл плачет навзрыд.

И пока мы не найдем такой меч-кладенец, чтобы сразить все четыре башки гидры-лесоедки, Минлесбумпром будет ходить в рекордсменах страны по потерям.

А теперь вернемся к нашим недоизготовленным стульям. В зале коллегии Минлесбумпрома СССР шло очередное заседание. Как повелось с сотворения министерства, обсуждался вопрос о рациональном использовании древесины. И вдруг, когда очередной оратор призвал бороться с потерями, в зале произошло нечто фантасмагорическое — под восемью из двенадцати ответственных товарищей, пребывавших в тот день на коллегии, бесследно исчезли стулья. «Упадут!» — мысленно ахнули мы. Однако товарищи, словно и не почувствовав пропажи, продолжали, сидючи в воздухе невесть на чем, согласно кивать головами и поддакивать выступающему. Очевидно, никто, кроме нас, так и не заметил странного происшествия.

Заседание продолжалось.

Красноярский край — Москва.

Рацпредложение художника И. СЫЧЕВА: как использовать топляк.

Байрам ЖУТДИЕВ

БЛАГОРОДНЫЙ МУЖ

— Чем на голос мой молиться,
чем вокруг меня кружиться,
словно мотылек,
мог бы ты хоть раз напиться
или в драке отличиться,
милый муженек?—
говорит жена супругу, кулаком грозя.
Муж на это отвечает: «Что ты! Мне нельзя!»
— Надоели эти шмотки—
туфли, серьги и колготки,
что ты даришь мне.
Будь мужчиной хоть немного—
хлопни дверью, ради бога,
нагруби жене!—
говорит жена супругу, кулаком грозя.
Муж на это отвечает: «Что ты! Мне нельзя!»
— Что за странное уродство:
днем и ночью—благородство!
И какой в нем прок?
Где игра страстей, метанья,
вьюга, камнепад, стенанья,
селевой поток?—
говорит жена супругу, кулаком грозя.
Муж на это отвечает: «Что ты! Мне нельзя!»
Пить он права не имеет,
Изменить жене не смеет—
предан ей навек.
Мне осталось лишь как другу
посочувствовать супругу:
выбрал он не ту супругу,
бедный человек!

Перевел с туркменского
В. ВИТАЛЬЕВ.

Лев ОЗЕРОВ

ЛЕКТОР

«Спасибо за внимание!»—сказал
Один оратор, усыпивший зал.

К ВОПРОСУ О СЛАВЕ

Слывет легчайшим, капризным,
Обреченным на вечный успех,
Хочет он быть непризнанным
И славиться больше всех.

ГОЛОС ЧИТАТЕЛЯ

Беда, когда иной сатирик
Нам преподносит панегирик.

Алексей МАРКОВ

А ДАВНО ЛИ?..

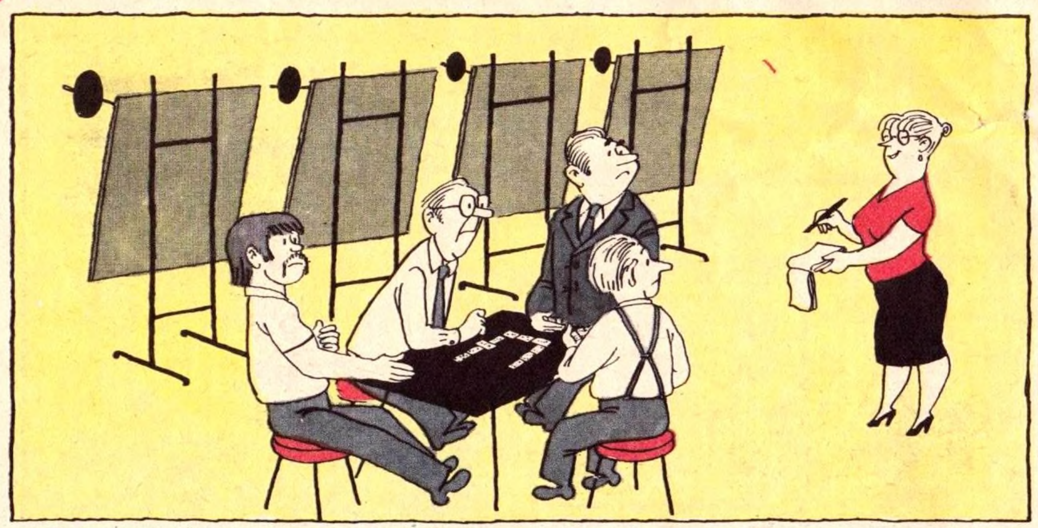
— Эх, Тамарочка, Тамара!
А давно ли это было?
С южным радостным загаром
Возвращалась ты из Крыма.
А теперь—большая шляпа
На тесемочке уснула,
Чтобы солнце свои лапы
До тебя не дотянуло.

Эх, Тамарочка, Тамара!
А давно ли это было?
С неуемным юным жаром
Насмерть ты меня любила?!
А теперь—друг друга встретив:
— Как детишки?
— Как внучата?
...И пойдут восторги эти,
Вздохов короб непочатый.

Эх, Тамарочка, Тамара...
А давно ли, а давно ли?..
Неужели это старость?
Перешли мы жизни поле...

Оформление Г. ОГОРОДНИКОВА.

— Товарищи! Кто желает поехать на картошку?

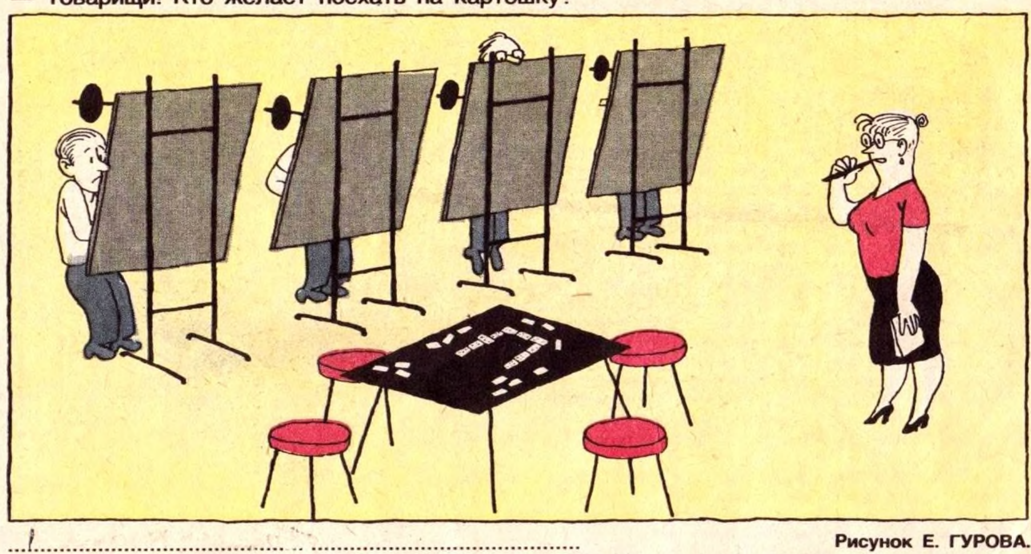

Рисунок Е. ГУРОВА.

Евгений ВЕРБИН

НА УРОВЕНЬ!

Жизнь — устремление к элите!
Чуть-чуть — но вверх!
Ни шагу вспять!
Оно понятно! Как хотите,
Но уровень нельзя терять!

Вот вроде б не ахти работа,
Но всё же — премия в квартал!
Да, мне в кино играть охота,
Я б, может быть, Боярским стал!
Но ведь не вдруг! А «тити-мити»?
А стаж? Пришлось бы прерывать?
А пенсия? Нет, как хотите,
А уровень нельзя терять!

Семейка тоже — хам на хаме!
Всё мало им! Всё — хап да хап!
Готовы слопать с потрохами!
Кто я для них? Ничтожный раб!
Уйти? А вдруг да при корыте
Худом окажешься опять?!
Да нет, куда уж! Как хотите,
Но уровень нельзя терять!

Всё хорошо, когда без риска,
Когда не рвешь добытых уз.
Да, есть московская прописка!
О ней мечтает весь Союз.
Оно приятно б на Таити
А ля Гоген бессмертным стать!
Но это глупо! Как хотите,
А уровень нельзя терять!

Самиг АБДУКАХХАР

ХОББИ

С кем ни общаюсь, убеждаюсь снова:
Будь то приятель, друг или сосед,
Какое-то есть хобби у любого.
А у меня — ну никакого нет!

Вот хоть убейте, страсти этой нету:
Разыскивать бутылки, и значки,
Календари, часы, замки, монеты,
Пластинки, книги, марки, ярлыки.

Жена — и та меня жалеет: — Бедный!
Найди себе хоть что-то по душе.
Возьмись за кисть! Трусцою утром бегай:
В трюмо не помещаешься уже!

— Чтоб рисовать, ведь нужен дар особый.
Трусцой бежать — не буду ли смешон?
— Тогда еще вот редкостное хобби:
Дневной тебе рекомендую сон!

— Тебе, я вижу, вздор молоть охота:
Как можно путать хобби и работу?!

Перевод с узбекского.

Мих. ДВИНСКИЙ

ОДА ПОЗВОНОЧНИКУ

Ты — столб,
но не какой-нибудь трамвайный,
А жизни ось, пружина драмы тайной.
Спасибо, что скрепляешь мой скелет!
Любимый череп на тебя надет...

И все же ты не столб, а стебель ивы,
Способный на изящные извивы,
Готовый выгибаться так и сяк,
В трудах ориентируя костяк.

Как элегантно, преданно, но просто
Собою воплощаешь знак вопроса

Иль знаком восклицательным кричишь:
Костьми, мол, лягу за чужой престиж!

Питоны! С вами что мне состязаться —
Невыразительно вы гнетесь, братцы...

Ах, тридцать три шарнира-позвонка,
Бесшумны вы — но ваша роль звонка!

— По поводу ваших заявлений забегайте весной.

Рисунок М. БИТНОГО.

Мих. ЛЯШЕНКО

ДОКЛАД ОДНОГО (БЕЗ)ОТВЕТСТВЕННОГО ЛИЦА

(с примечаниями другого лица, определяющего меру ответственности)

В завершившемся квартале
(в потолок не зря плевали)
Показатели работы
(в куче липовых отчетов)
Продолжали улучшаться
(в результате махинаций).
Мы изрядно преуспели
(в говорильне и безделье),
Мы в делах не новички
(мастера втирать очки).
Расскажу о перспективах
(фантастических, фиктивных):
Повышая результаты
(увеличили растраты)
И рентабельность хозяйства
(на основе разгильдяйства),
Заново поставим дело
(по старинке, неумело),
Что-то сделаем иначе
(разбазарим, напортачим).
Мы внедрим передовые
(примитивные, ручные)
Способ, метод и процесс
(тормозящие прогресс).
И об этом важном шаге
(совершенном на бумаге)
Будет рапорт среди первых
(коль не примут раньше меры).

А. ЯЧМЕНЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Неизмеримо сократились сроки восхищения новизной. Еще вчера человечество поцокало языками, узнав об изобретении акваланга, а уже сегодня романтический мир безмолвия настолько обыден, что дает пищу и для сатирика...

Автор заранее предупреждает, что в его фельетоне не будет описания океанских впадин и схваток с глубоководными монстрами. Акватория, попавшая в поле зрения спецкора Крокодила, ограничена нешироким руслом Дона, территория — малой частью Семилукского района Воронежской области. А именно: имеющейся в этом районе спасательной станцией...

xxx

Очередное дежурство спасателей началось обыкновенно — водолаз первого класса Александр Щеглов вошел в кабинет начальника и получил существенный удар шваброй. Швабра была заботливо приставлена к обратной стороне двери — так, чтобы понял получивший шишку: необходимо произвести влажную обработку помещений. Начальник станции Котенев сумрачно скучал в кресле.

Расстановка мебели наводила на мысль об океанском лайнере, попавшем в «глаз тайфуна», и это означало: дежурным рекомендуется осуществить генеральную уборку. Начальник поднялся, молча швырнув на стол очередное письменное распоряжение, и отбыл на спасательном катере за горизонт.

Донская вода была прогрета до ласковых плюс 23°С. Семилукский пляж по числу не занятых загорающими миллиметров свободной площади успешно соперничал с анапской Голубой долиной. Единственный оставшийся спасатель (остальных бросили на сельхозработы) был вооружен для наблюдения и возможного спасения утопающего традиционно: парой собственных рук. И преступная мысль сверлила головы большинства сотрудников: «Может, сегодня что-нибудь случится... Может, обратят хоть тогда на нашу жизнь внимание руководящие граждане».

Жизнь работников Семилукской спасстанции к тому моменту уже напоминала состояние водолаза, когда часто подергивает он под водой сигнальный конец, что означает: «Тревога! Мне плохо!» Но в преддверии этого катастрофического положения должен был бы коллектив проявить то, что более всего и ценится и приветствуется в нем: сплоченность, уверенность и настойчивость. Словом, то, что превращает коллектив в Коллектив, а не в случайную компанию объединенных лишь зарплатным интересом людей.... Но год, и два, и пять, и десять молчали водолазы-спасатели, легко примирившись со стилем работы руководителя. Однажды только попытались разобраться по-домашнему, миром.

Коллектив спасателей в полном составе чинно выстроился вдоль стен в кабинете руководителя. Руководитель повел бровью, что в переводе означало: «Ну, чего надо?»

— Чего надо? — переспросил самый опытный, а потому решительный водолаз Щеглов.— Ворох претензий к вам имеет вверенный вам же состав работников станции. Мы настоятельно просим ответить на некоторые вопросы. Для начала простенькие. Почему, Николай Никитович, столь стабильна ваша неприязнь к коллективу? Любой человек, будь он даже начальник, обладает второй сигнальной системой — речью. Что же вы ни разу за эти годы не сказали коллективу «Здрасьте, товарищи»? Мы отлично изучили ваш почерк, а вот голоса практически не знаем. Нельзя ли общаться с нами не посредством записок, а хотя бы жестами?

На этой фразе Котенев лениво протянул руку и щелкнул выключателем радиоприемника. Кабинет заполнился полноваттным голосом А. Б. Пугачевой, рекомендующей всем-всем-всем: «Если долго мучиться, что-нибудь получится!!!» С любопытством оглядел Котенев ходоков — сейчас заткнутся или же будут пытаться перекрыть децибельность усилителя? Претензионщики оказались крепче, чем он думал. Минут пять шевелила губами медсестра Галина Щеглова, мямлил что-то, подкрепляя жестами слова, не слышимые в грохоте ВИА, ученик водолаза Поляков, гневно разгребал воздух водолаз Дудин. В перерывах между радиоконцертными номерами Котенев слышал обрывочные фразы: «...текучесть кадров, как течение Дона в узком месте», «...хоть раз бы подержать во время дежурства бинокль...», «антисанитарно...», «...жаловаться!».

Уловив смысл последнего обрывка, Котенев привстал, приглушил звук и изумил всех, произнеся несколько слов подряд:

— Жаловаться?! Валяйте! Котенева на испуг не возьмешь!

И кабинет начальника спасстанции снова задрожал от невыносимого вокального энтузиазма. Аудиенция была окончена.

— Все,— сказал, чувствуя себя, как после подъема с глубины без соблюдения норм декомпрессии, водолаз Авдеев.— Спасайся кто может! Лично я ушел.

И проторенной многочисленными предшественниками тропой ушел «по собственному».

Оставшаяся же часть спасателей в дальнейшем уже не массово, а поодиночке пыталась добиться от Котенева ответов на животрепещущие вопросы:

— Николай Никитович, вчера я наблюдал на противоположном берегу Дона двух мальцов, шастающих в тине. Там омуток рядом. Могло затянуть пацанву. Кричал — не слышат. Нельзя ли все-таки мегафон и бинокль выдавать спасателю, пусть хоть под паспортный залог?

Котенев тяжело поднимался к сейфу, где хранился означенный инвентарь спасслужбы, и делал ключом дополнительный запирательный оборот.

— Товарищ начальник! Я, если вы помните, у вас учеником водолаза значусь. Не могу понять: как в аппарате ИСАМ-48 подбавлять содержание кислорода? Проинструктируйте.

Товарищ начальник багровел и швырял в надоедучеником «Едиными правилами охраны труда на водолазных работах». Будучи в приятном расположении духа, Котенев иногда отчеркивал ногтем нужную главу, давая ученику понять, что мало-мальски грамотный человек и без инструктирования, через посредство изучения брошюры освоит тонкость подводолазанья.

— Сколько же, Николай Никитович, будет обходиться медпункт без лекарств и перевязочных материалов? Который год ни водолазам, ни мне, медсестре, не выдается спирт для дезинфекции! Это ж разве обеззараживание — загубники аквалангов водой из-под рукомойника ополаскивать? Где положенные станции ежеквартальные литры спирта?

Котенев с трудом фиксировал взгляд на одной из трех медсестер Галин Щегловых и выкладывал рядом со стаканом и недокушанной закуской тяжеленный кукиш. После чего добирался до спасательного катера и отбывал в обычно неизвестном направлении — выветривать из организма положенные станции ежеквартальные литры.

Когда же едва не приключился взрыв — десятилетиями не подвергавшиеся проверке и опрессовке кислородные баллоны чудом выдержали загнанный в них малограмотным компрессовщиком Плотниковым чудовищные даже для новеньких аппаратов атмосферы,— только тогда взорвалось терпение коллектива. И ощутили вышестоящие руководители — начальник спасательной службы области В. Пятецких и начальник комбината коммунальных предприятий и благоустройства города Семилуки И. Стадников — частые подергивания снизу, со спасстанции, сигнального конца, что, если читатель помнит, означает: «Тревога! Мне плохо!»

Факты были проверены.

Проверяющие убедились: да, Котенев нарушает, игнорирует, пренебрегает и использует в корыстных целях. Да, превратил станцию в охраняемый причал частных лодок. Точно — вся территория заставлена наглухо запертыми ящиками частных граждан, где те содержат неизвестно что: может, лодочные моторы, может, бензин, может, браконьерскую снасть. Подтверждено: за услуги по охране лодок граждане преподносят руководителю речные дары и то, что под них хорошо идет. Не подлежит сомнению: участвуя как член комиссии в распределении огородных участков, нарéзал себе Котенев процентов триста лишка положенной земли, существенно тем ущемив интересы своих же сотрудников. Установлено: более 15 лет не спускавшийся под воду Котенев тем не менее регулярно получал денежные надбавки за подводный трудовой энтузиазм.

Ну, а что до того, что в течение многих лет молчит Котенев, общаясь с коллективом только записками, так это внутреннее дело спасателей. И, кстати, ровный, разборчивый у начспасстанции почерк!

Однако были приняты меры: рекомендовали Котеневу перековаться, научиться приветствовать персонал словами: «Здравствуйте, товарищи!»

И, возможно, в данный момент, после отъезда спецкорреспондента Крокодила, наблюдаются в водолазе-инструкторе, начальнике Семилукской спасательной станции перемены. Возможно, что и до сих пор не случилось на том участке Дона, где стоит станция, ни трагедий, ни просто происшествий. Дай, как говорится, морской, он же речной, бог! Но хочет предупредить читателей сатирик: во время заплывов по указанной в начале фельетона акватории соблюдайте максимальную бдительность, так как единственную на сегодняшний день может оказать спасстанция помощь — дать рекомендацию: спасайся кто может!

г. Семилуки
Воронежской области.

— Где нашла?
— В капусте.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

ВОТ ТАКИЕ ПИРОГИ!

ЗАБОТЛИВЫЙ ПАПА

Нежным отцом был секретарь Кайтагского райкома КПСС Дагестанской АССР М. Бегов. Однажды в середине учебного года он призвал к себе сына, ученика десятого класса Маджалисской средней школы, и, положив ему на голову заботливую отцовскую длань, сказал:

— Сын, ты стоишь на пороге большой жизни, и перед тобой лежит множество дорог. Но чтобы на дорогах не было препятствий, лучше переведись в Шилягинскую школу.

— Зачем, отец? Мне и здесь хорошо.

— А там будет лучше.

Отцовское предвидение сбылось. Как только мальчика перевели в новую школу, его успеваемость поползла вверх победной крутизной, мама с папой с умилением начали разглядывать грамоты сына. Льготные условия для поступления в вуз были обеспечены.

Наш читатель из села Маджалис усомнился в правильности такого педагогического метода и поделился своими сомнениями с «Крокодилом».

Секретарь Дагестанского обкома КПСС В. Коробейников сообщил, что педагоги, виновные в завышении оценок и незаконной выдаче похвальных грамот Бегову-младшему, привлечены к дисциплинарной ответственности. Аттестат и грамоты аннулированы Министерством просвещения ДАССР. Решением бюро райкома КПСС М. Бегову объявлен выговор.

ПРОКУРОР И ЗАКОН

У кого научился прокурор Кировского района Приморского края А. Семенов разным приемам обходить закон, неизвестно. Может быть, даже у своих подследственных... Во всяком случае, делал он это довольно квалифицированно.

Долгое время он пользовался грузовиком, подлежащим списанию, но отремонтированным по его указанию за счет одного из местных совхозов. После того, как была получена новая машина, а старую надо было наконец снять с учета в ГАИ, прокурор представил фиктивные документы, что сдал ее в металлолом, а сам между тем прятал грузовик в гараже санатория. Кроме того, он незаконно требовал от бухгалтерии Зареченской лесовозной дороги выдать своему знакомому Д. Кращенко справку для выхода на пенсию с льготными условиями. И, наконец, так же незаконно отремонтировал свою квартиру на средства СПТУ № 5.

Обо всем об этом написал нам читатель В. Семененко. Письмо было направлено в Приморский крайком КПСС. Как сообщает редакции секретарь крайкома Н. Хромовских, коллегия прокуратуры Приморского края вынесла решение считать невозможным пребывание Семенова А. И. в должности прокурора района и в органах прокуратуры.

Гарри Соломонович ИОРШ

(К 70-летию со дня рождения)

Дружеский шарж А. КРЫЛОВА.

— А ты мне говорила, что булки растут на деревьях только в сказках...

Рисунок юбиляра.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ВНИМАНИЮ РОТОЗЕЕВ

Махровая мошенница Л. Моторная прикарманила более полумиллиона рублей. Выдавая себя за ответственного работника, она обирала доверчивых киевлян: обещала обеспечить их в наикратчайшие сроки кооперативными квартирами.

Преступница, в частности, вела свои «дела» за «ничейным» конторским столом в здании горисполкома, пользуясь беспечностью его сотрудников.

Моторная и ее сообщники приговорены к различным срокам.

Об этом рассказывал фельетон Л. Ефимова «Хозяйка летающего портфеля» (№ 14).

Получен ответ от заместителя председателя Киевского горисполкома Е. Ясинского. Он сообщил, что во избежание подобных случаев в горисполкоме выделено специальное помещение для приема граждан, а желающие пройти в горисполком отныне предъявляют документ.

Фельетон обсужден в управлении по учету и распределению жилой площади и отделе по руководству организацией и деятельностью жилищно-строительных кооперативов горисполкома, а также в райисполкомах Киева. Обращено особое внимание инспекторов на повышение служебной бдительности.

Таким образом, халатность в стенах официальных учреждений в какой-то мере пресечена.

А что касается легковерных горожан, распахивающих кошельки с трудовыми накоплениями первому встречному,—тут дело сложнее. Не все ведь читают «Крокодил».

КРУПНЫЕ МЕЛОЧИ

Можем сообщить, что заметка **«Снова небритый вопрос»** (№ 5), в которой говорилось о том, как ленинградец В. Попов не мог побриться в парикмахерской на Невском проспекте, так как у мастеров не было бритв, была рассмотрена на коллегии Управления бытового обслуживания горисполкома. За необоснованный отказ мастера в предоставлении этого вида услуг заведующей парикмахерской № 29 Т. Сычевой объявлен выговор, директору объединения «Косметика», в которое входит парикмахерская, А. Власову строго указано.

Полагаем, что будет удовлетворен исходом дела читатель Г. Ткачев из г. Нарткала Кабардино - Балкарской АССР, долгое время ожидавший, пока Бердский радиозавод заменит ему рычаг в электропроигрывателе к радиоле **(«От всей души»**, № 12). Лица, виновные в волоките с высылкой детали, наказаны. Рычаг вместе с извинениями направлен жалобщику. Об этом сообщил нам директор завода А. Шкулов.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР.
Каким должно быть в действительности новое гитлеровское приветствие.
Газета «Неос Ризоспастис», 5 октября 1933 г.

Бор. ЕФИМОВ.
ОБВИНИТЕЛЬ...
...и обвиняемые.
Газета «Известия», 16 октября 1933 г.

Л. БРОДАТЫ.
НА БЕРЛИНСКОМ АЭРОДРОМЕ.
Обвинители улетели, обвиняемые остались.
Журнал «Крокодил», № 8, 1934 г.

КТО НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

27 февраля 1933 года Гитлер, Геринг, Геббельс организовали провокационный поджог рейхстага—германского парламента. Пожар был делом рук штурмовиков, национал-социалистских партайгеноссе и уголовного сброда. Нацистские главари обвинили в поджоге коммунистов.

Языки пламени над рейхстагом стали сигналом к террористическому подавлению коммунистической партии, рабочего класса и демократии. Со свойственной им палаческой откровенностью нацисты протрубили поход «за истребление марксизма». Лейпцигский процесс над четырьмя коммунистами должен был оправдать этот террор, подвести под него, так сказать, юридическую основу.

Однако сварганенный фашистами сценарий начал рассыпаться подобно карточному домику с первых же дней процесса. Шаг за шагом Георгий Димитров восстанавливал на суде подлинную цепь событий, раскрывал истинную картину поджога, руководимого лично Герингом, дом которого, кстати, был расположен рядом с рейхстагом. Димитров не защищался—он обвинял. На скамье подсудимых в Лейпциге оказалась гитлеровская клика.

«После того, как судебные власти,—писал Димитров 12 октября 1933 года председателю IV уголовного сената Имперского суда д-ру Бюнгеру,—имели неосторожность посадить меня, совершенно невиновного, на скамью подсудимых перед Имперским судом как эрзац-поджигателя рейхстага, они должны расплачиваться за свою неосторожность. Они заварили эту кашу—теперь они должны ее расхлебывать. По вкусу она им или нет, это не мое дело; это меня совсем не интересует».

Торжествующая ирония, явственно звучащая в этих словах, оказалась пророческой. Вскоре всесильные «имперские министры» Геринг и Геббельс были вытребованы в суд. Содрогаясь от бессильной злобы, они вынуждены были отвечать на разящие вопросы Георгия Димитрова. «Каждый его вопрос,—писала социал-демократическая австрийская газета «Арбейтерцейтунг»,—пробивает брешь в стене глупости, подлости и низости... Каждый его вопрос—это атака, и ни один из его вопросов не служит его личной защите; этот обреченный на смерть борется не за свою жизнь, он борется за высокое дело, которому подчиняет свою жизнь, за социализм, который наполняет его уверенностью в победе... Германские диктаторы, скрежеща зубами, чувствуют, что этот обреченный на смерть сильнее, чем весь их аппарат власти...

Геринг, убийца, поджигатель и морфинист, всемогущий министр по делам террора и смерти,—продолжала газета,—выступил вчера свидетелем на суде. Благоговейно замолкли судьи перед обрюзгшим колоссом власти. Г-н министр не постеснялся обругать беззащитного обвиняемого, назвав его «коммунистическим преступником». Тогда Димитров поднялся, и его голос нарушил гробовое молчание диктатуры: «Известно ли г-ну премьер-министру, что эта партия господствует на шестой части земного шара, а именно в Советском Союзе?» Председатель, покосившись на министра, закричал на обвиняемого: «Я запрещаю вам вести здесь коммунистическую пропаганду!» Димитров иронически отвечал: «Г-н Геринг ведет здесь национал-социалистскую пропаганду!» Нервы морфиниста не выдержали этого возражения: побелев от бешенства, с пеной у рта, министр ответил самыми непристойными оскорблениями. Самый могущественный человек в Пруссии, человек, которого в Германии страшатся больше всех, потерял самообладание, стал реветь и визжать, как сумасшедший».

Надо было обладать несокрушимой верой в историческую правоту своего класса и своей партии, чтобы в гнетущем мраке фашистского судилища девяносто три дня подряд не только отбивать выпады врагов, но и тут же переходить в контратаку; не только рассекать мечом фактов коварные хитросплетения лжесвидетелей, но и загонять в позорный угол их самих; не только сокрушать противников логикой аргументов, но и пронзать их стрелами язвительного сарказма. Когда, например, один из свидетелей, специально подготовленный прокуратурой, заявил, что видел Г. Димитрова в рейхстаге незадолго до пожара и узнал его на процессе, Димитров спросил, как мог свидетель узнать его, если он так сильно похудел и внешне изменился за время пребывания в Моабитской тюрьме. Прокурор попытался спасти положение...

***«Прокурор:** Я прошу задать обвиняемому Димитрову вопрос: когда был сшит костюм, который он носит теперь,—тогда ли, когда он был гораздо полнее? Костюм сидит на нем как вылитый, так что, если Димитров раньше носил этот костюм, едва ли он был значительно полнее, чем сейчас.*

***Председатель:** Носили вы раньше этот костюм?*

***Димитров:** Этот костюм я носил пять или шесть лет тому назад, когда я действительно был худым. А теперь он мне даже слишком широк, слишком свободен. Вы можете, г-н прокурор, выяснить у вашего тюремного врача, сколько килограммов я потерял. За это время я потерял в весе больше десяти килограммов. Потеря в весе превышает у меня десять килограммов! По-моему, это что-нибудь да значит.*

***Председатель:** Это хорошо!*

***Димитров:** Если вы хотите похудеть, приезжайте в Моабит! (Смех в зале.)»*

Любезное приглашение Димитрова попало в точку: д-р Бюнгер был ярко выраженным толстяком.

И такой смех звучал в зале не раз. Поэтому можно понять верноподданническое волнение лейпцигской газеты «Лейпцигер нойесте нахрихтен», которая писала: «Сарказм Георгия Димитрова стал еще более опасным».

Впрочем, устроители процесса и сами себя мастерски ставили в смехотворное положение идиотов и тупиц, таковыми они, впрочем, большей частью и были. В заключительной речи перед судом 16 декабря 1933 года Георгий Димитров, изобличая фашистскую идеологию, говорил:

«Дикари и варвары в Болгарии—это только фашисты. Но я спрашиваю вас, господин председатель: в какой стране фашисты не варвары и не дикари?

***Председатель (прерывает Димитрова):** Вы ведь не намекаете на политические отношения в Германии?*

***Димитров (с иронической улыбкой):** Конечно, нет, господин председатель...»*

Здесь, как видим, явно не хватает ремарки:

Председатель (краснеет и конфузится).

А заканчивая эту свою историческую речь, Димитров сказал:

«В XVII веке основатель научной физики Галилео Галилей предстал перед строгим судом инквизиции, который должен был приговорить его как еретика к смерти. Он с глубоким убеждением и решимостью воскликнул:

«А все-таки земля вертится!»

И это научное положение стало позднее достоянием всего человечества.

(Председатель резко прерывает Димитрова, встает, собирает бумаги и готовится уйти.)

Димитров (продолжает): Мы, коммунисты, можем сейчас не менее решительно, чем старик Галилей, сказать:

«И все-таки она вертится!»

И затем Димитров говорит о том, что колесо истории вертится, движется вперед. ***«И это колесо, подталкиваемое пролетариатом под руководством Коммунистического Интернационала, не удастся остановить ни истребительными мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертными казнями...»***

Стенограмма заканчивается ремаркой:

«(Полицейские хватают Димитрова и силой усаживают его на скамью подсудимых. Председатель и суд удаляются для совещания по вопросу, может ли Димитров продолжать свою речь. После совещания суд возвращается и объявляет, что Димитров окончательно лишен слова.)»

Вот так хлестко, прямо-таки в манере средневековых мракобесов высекли сами себя господа антикоммунисты.

Круто замешанный на провокации, лейпцигский процесс обернулся позорным разоблачением самих провокаторов.

Но уроки истории поучительны лишь для тех, кто способен учиться. Этот процесс не был ни первой, ни последней попыткой посадить коммунистов на скамью подсудимых.

В 1964 году Вашингтон «разыграл» так называемый «инцидент в Тонкинском заливе», послуживший предлогом для развязывания Соединенными Штатами варварской войны во Вьетнаме. Сперва завопили на все радиоголоса, будто вьетнамские военные корабли напали «в международных водах» на два американских эсминца, потом с пылу с жару состряпали в конгрессе «Тонкинскую резолюцию», ну а там уж агрессия против ДРВ стала для президента Джонсона просто делом техники. Военной, разумеется...

А между тем, как выяснилось позже, текст «Тонкинской резолюции» «лежал в кармане президента» уже за несколько недель до самого «инцидента»!

Провокационные «поводы» изобретала антикоммунистическая шатия и для вторжения на Плайя-Хирон, и для фашистского переворота в Чили, и для агрессии против Никарагуа...

Совсем недавней преступной провокацией стал инцидент с южнокорейским «Боингом», «случайно» отклонившимся от курса на полтысячи километров. И каких только «объяснений» не находили на Западе этой ночной «прогулке» над нашими сугубо секретными объектами! Будто бы пилот решил «сократить маршрут в целях экономии горючего» или будто бы он «задремал» или даже, забыв обо всем на свете, «играл в карты»... В общем, этакие невинные фантазии для недоумков. В действительности же этот инцидент, спланированный с хладнокровным и жестоким цинизмом, должен был, по замыслу заокеанских стратегов, поставить нас, советских людей, в положение обвиняемых. Чтобы легче было сбить накал борьбы за мир в ответственный момент истории, оправдать и взбодрить гонку вооружений, протолкнуть ракетные планы США в Западной Европе. А заодно, по признанию «Нью-Йорк таймс», увеличить шансы президента Рейгана на переизбрание...

Но у провокаций, как и у лжи, короткие ноги. Далеко на них не уйдешь. Разве что доковыляешь до скандального разоблачения и изобличения со всеми вытекающими последствиями. Как это, к примеру, уже было в Лейпциге полвека тому назад.

А. ВИХРЕВ.

ИНТЕРВЬЮ ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

В 1933 году судебный процесс о поджоге рейхстага проходил и в... Лондоне. Лондонский процесс начался раньше Лейпцигского, заранее поставив лейпцигских судей и прокуроров в жалкую позицию.

С известным советским публицистом Эрнстом Генри, присутствовавшим на Лондонском процессе, мы встретились в Москве, у него дома. Многократный лауреат литературных и журналистских премий, автор около сорока книг, ответил на наши вопросы.

— В книге «Гитлер против СССР», опубликованной в 1936 году, то есть еще до разработки германским штабом плана «Барбаросса», вам удалось разгадать замыслы фашистов, подробно описав будущее нападение Германии на СССР с указанием направлений ударов, численности дивизий и причин будущего поражения Германии в войне с нами. Вы же не провидец, как вам удалось столь четко разглядеть будущее?

— Никакой фантастики. На основе анализа обстановки в мире я сделал свой стратегическо-политический прогноз.

— Какую цель ставил перед собой контрпроцесс в Лондоне?

— Только что было объявлено о предстоящем судилище над Димитровым, обвиненным в поджоге рейхстага. И нашей задачей было помочь Димитрову, разоблачить гигантскую ложь фашистов, заранее свести к нулю всю систему их обвинений и тем самым подорвать позиции гитлеровских фальсификаторов в Лейпциге.

— Кто был инициатором контрпроцесса?

— Основную роль в его организации сыграли Германская компартия и лондонский Антифашистский комитет. Возглавлял Международную следственную комиссию мой большой друг Деннис Притт, член английского парламента и королевский советник. В составе комиссии были всемирно известные юристы из Франции и Швеции, люди авторитетные и неподкупные. Надо было разгромить фашистов не только политически, но и строго юридически, на основе уголовного права. Были вызваны свидетели—жертвы нацистов, эмигрировавшие во многие страны Европы. Учитывались только факты, никаких эмоций. Так шаг за шагом была разоблачена техника поджога рейхстага, и фашизм предстал во всем своем отвратительном виде.

— А каково было отношение мировой общественности к столь необычному в то время процессу?

— Самое пристальное. Представляете, в Лондоне собираются люди из разных стран и начинают публично оголять фашизм. Газеты печатали полные отчеты, на самом процессе выступали многие известные политические деятели—например, член палаты лордов и председатель лондонского Антифашистского комитета лорд Марли. С Антифашистским комитетом теснейшим образом сотрудничали всемирно известные ученые—Альберт Эйнштейн, Поль Ланжевен, писатели Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Генрих Манн...

Мы с Эрнстом Генри стоим на балконе. Внизу мальчишки гоняют мяч, кружась, планируют на землю краснощекие кленовые листья.

— Тогда, в сентябре тридцать третьего, так же опадали осенние листья...—задумчиво говорит Эрнст Генри.—Члены Антифашистского комитета хорошо понимали всю степень риска: гестапо наверняка завело на них досье, Гиммлер был способен на все, в западноевропейских странах формировались фашистские банды. Но мы знали и другое—что фашизм несет войну, гибель людям и мировой культуре. Необходимо было как можно раньше дать ему бой.

— Кстати, каково было отношение гитлеровской клики к процессу? Очевидно, фашисты пытались помешать его проведению через свою агентуру в Лондоне?

— Нацистам наш контрпроцесс был, как кость в горле. Они старались всячески очернить репутацию нашей следственной комиссии. В Лондоне за нами была установлена слежка, устраивались провокации. Но нацистской агентуре, несмотря на все уловки и прямое содействие со стороны МИД Англии и Скотланд-ярда, не удалось сорвать процесс. Позиции фашистов в Лейпциге были полностью скомпрометированы, а поведение Димитрова на процессе было столь впечатляющим, что его судьи оказались загнанными в угол. Недаром разъяренный Геринг прошипел сквозь зубы:

«Смотрите, берегитесь, я с вами расправлюсь, как только вы выйдете из зала суда! Подлец!»

— В действительности окончательный разговор состоялся через 12 лет, в 1945 году?

— Да, двенадцать долгих и страшных лет шло человечество от Лейпцигского и Лондонского до Нюрнбергского процесса, когда фашизм в лице главных военных преступников занял единственно подобающее ему место—на скамье подсудимых.

На полках у Эрнста Генри сегодня уже новые книги—об американском милитаризме, о новой опасности, нависшей над человечеством. Вспомнив леденящие предвидения Э. Генри 1936 года, спрашиваю:

— Каков ваш прогноз на будущее сегодня?

— Я верю в разум. Войну допустить нельзя.

Беседу вел Андрей БЕНЮХ.

Вскрываются все новые факты, подтверждающие, что ЦРУ использовало южнокорейский самолет в провокационных, диверсионных и шпионских целях.

«АВТОПИЛОТ»

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ, специальные корреспонденты Крокодила.

ШУТ ГОРОХОВЫЙ

Макаров достал где-то копченую рульку. И захотелось Макарову горохового супа. До того захотелось, что вкус горохового супа у Макарова во рту образовался. И тарелка горохового супа с мелкими сухариками возникла у Макарова перед глазами.

Пошел Макаров в магазин купить гороху. Да не купил.

— Ишь чего захотел! — обидно прищурилась на Макарова продавщица.— Нет, вы гляньте на этого артиста!

— Он бы еще гречки спросил! — хохотнула кассирша.

— Сегодня им горох,— скупо заметил подсобный рабочий с отекшим лицом,— а завтра они артишоки или спаржу потребуют!

Про спаржу и артишоки Макаров краем уха слыхал. Но вкуса их не знал. И потому спаржа представлялась Макарову кожной болезнью, а артишоками, чудилось, должны перебрасываться жонглеры в цирке.

Но за горох Макаров оскорбился. Гороховый суп с копченостями Макаров некогда едал.

— Братцы! — со слезою закричал Макаров.— Земляки! Я ж у вас не заморский плод прошу, не бананас какой-нибудь! Горох на Руси испокон веку был! Суп и кашу из него варили, пироги с горохом пекли, гороховку, не приведи господь, гнали, за границу на продажу горох везли! Куда ж он девался?..

— Нам что дают, мы тем и торгуем! — защитились от Макарова магазинные люди.

Зря защитились. У Макарова в голове и так уж стала выстраиваться некая логическая цепочка. Торговцы, ясное дело, горох не сундучат. Товар копеечный. Раз его нет на прилавке, так и под прилавком нет. Стало быть, торговле не дали гороха заготовители. А тем зазря хранить его тоже нету резона. Не дай бог долгоносик или иная нечисть заведется. Значит, заготовители не получили гороха от производителей — крестьян. А почему не получили? Что же, во всех хозяйствах, сеющих горох, недород? Солнце выжгло посевы? Град побил? Тля пожрала? Или, может, малы посевные площади?..

А было это на Белгородчине. И, разумеется, там есть люди, которые могли бы рассеять некоторые недоумения Макарова.

— Нет, под горох у нас в области отведено не так уж мало,— сообщил бы главный агроном А. Козьменко.— Примерно три с половиной процента всей пашни. Вот если бы мы брали с этих площадей все, что запланировано! А иди-ка возьми! Гербицидов нет, удобрений мало, техника никуда не годится. Вот и получилось, что в прошлой пятилетке среднегодовое выполнение плана по производству гороха едва дотянулось до семидесяти процентов.

— Производство-то производством, а с продажей гороха государству дело еще хуже,— невесело добавил бы главный инспектор области по закупкам и качеству сельхозпродуктов М. Мозговой.— Были годы, когда гороха продавали всего на один процент плана, а то и вовсе не продавали ни горошинки. Откуда же ему в магазинах взяться?..

Поведали бы Макарову компетентные люди, что не вдруг образовалась у нас эта зияющая гороховая прореха. Не в один день укрепилось мнение, что горох в сравнении, например, с пшеницей культура капризная, трудоемкая, невыгодная.

При всех равных условиях урожайность гороха гораздо ниже пшеницы, а закупочные цены выше лишь чуть-чуть. Они не стимулируют хозяйства на гороховые подвиги.

В восьмидесятых годах двадцатого столетия обеспечить производство гороха соответствующей современной техникой пока не смогли, а от допотопных дедовских способов отказались. Вручную горох не сеют, вручную не жнут, цепами не обмолачивают. А сеют сейчас горох обычными зерновыми сеялками, которые не дают необходимого заглубления семян. А убирают его жатками, страдающими многими конструктивными недостатками. Да и тех имеется вдвое меньше, чем требуется селу. Да и вешаются эти малочисленные и худые жатки на комбайны, которые, как правило, в эти же сроки позарез нужны хозяйствам для уборки других зерновых...

Вот постепенно и отбился вкус к гороху у крестьянина, а затем, само собой, и у горожанина.

А горох все-таки нужен! И не только Макарову с его пресловутой копченой рулькой. Горох необходим для корма скоту — это ведь белок!

И вот сельский труженик той же Белгородчины, в очередной раз истово поднапрягшись, старается выгнуть вверх кривую производства гороха. И кое-что ему удается. Положение неспешно исправ-

— Все-таки правильно, что мы детей ограждаем от улицы: она так дурно на них влияет!

Рисунок М. СМИРЕНСКОГО.

А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

И Т. П...

В толковом словаре русского языка слово «этикетка» толкуется так — это «ярлык на чем-н. с фабричным, торговым клеймом, надписью и т. п.». Вот об этом «т. п.» мы и хотим поговорить. Поскольку в своем лапидарном объяснении авторы словаря опустили некоторые важные разновидности этикеток, о них напомнили наши читатели.

Среди т. п. есть **этикетки-ловушки.** Предположим, вы, подобно жителю г. Свердловска **А. Абрамову,** купили консервы, изготовленные Орским мясоконсервным комбинатом, на этикетке которых красуется двухцветная надпись: «Каша гречневая с мясом». Это и есть этикетка-ловушка. Потому что внутри трех банок из пяти, приобретенных свердловчанином, вместо гречневой каши оказалась перловая. Аналогичным образом пострадала жительница Симферополя **Е. Долгова.** Слепо поверив этикетке, она купила мандариновое повидло, изготовленное Люберецким экспериментальным консервным заводом. Надо ли говорить, что внутри оказалось повидло яблочное?

С. Дидаев из г. Грозного прислал этикетку удобрительной смеси, выпускаемой Подмосковным горнохимическим заводом, на которой напечатано: «Срок годности удобрения не ограничен». А следующая фраза гласит: «Гарантийный срок — 12 месяцев со дня изготовления». Вот станешь хранить вечно удобрения, а потом выяснится, что они выдохлись на первом году жизни.

Бывают еще **этикетки-головоломки.** Например, наш читатель **Ю. Субботин** купил в Тамбове коробку кнопок, на которой приклеена этикетка следующего содержания: «Саратовский пивобезалкогольный завод Министерство местной промышленности РСФСР кнопки Саяны канцелярские напиток».

Разговор будет неполным, если не упомянуть об **этикетках-открытиях.** Тут в первую очередь нужно назвать художников казанской кондитерской фабрики «Заря». Они нарисовали фантики для конфет «Каракум», на которых ничтоже сумняшеся изобразили развесистые пальмы. Прямо скажем, не самый типичный представитель флоры крупнейшей пустыни Туркмении. Правда, авторы всегда могут сказать, мол, они изобразили привидевшийся им мираж. Хорошо, что им не привиделись пингвины.

В заключение хочется напомнить, что составной частью слова «этикетка» является «этикет», который хорошо бы соблюдать в отношениях с покупателями.

Ал. ХОРТ.

ляется. Собирают хозяйства области в иной год весьма приличный урожай гороха. Сто двенадцать процентов плана дают. А вот продавать горох государству не рвутся. Желают оставить его на корм скоту. И тут начинается хитроумная цифровая эквилибристика. Пшеница в этом году славная? Стало быть, ее можно продать побольше. Ячмень тоже удался? Чудесно! Он же у нас дорогой, пивоваренный. Вот ячмень с пшеничкой при существующей отчетности по зерновому валу и позволит области не уронить основной показатель — план продажи зерна государству. Любого зерна.

Щелкают счеты, жужжат арифмометры, вспыхивают цифирки электронных калькуляторов... Стоп! Есть сто процентов выполнения плана продажи зерна! Даешь перевыполнение! И его быстро насчитывают арифмометры и калькуляторы. Восемь процентов, шестнадцать, двадцать семь... Стоп! Есть сто двадцать семь процентов! Ура!..

Ну, а то, что покупатель в этом году практически не увидит гороха,— это такие мелочи, о которых и вспоминать-то неохота на фоне общего благополучия. А ведь именно так отрапортовались в минувшем сентябре Курская, Брянская, Орловская, Липецкая, Рязанская, Тульская и некоторые другие области.

А теперь отставим на время горох и вообразим себе такую фантасмагорическую картинку. Приходим мы в обувной магазин. Полуботинки нам захотелось купить. На сырую погоду. А за прилавком — Макаров.

— Нету, нету,— говорит он нам.— Имеются лаковые босоножки тридцать четвертого размера на правую ногу и юфтевый сапог сорок седьмого размера на левую. Будете брать?

Пожалуй, мы не сдержимся и накричим на Макарова. А он лишь улыбнется:

— Нам что дают, мы тем и торгуем. Плевать фабрике на ассортимент. Она только тысячи штук в отчетах проставляет!

Такого, конечно, не бывает. Не должно быть. Производство любых товаров у нас регламентировано государственным планом, в котором учтены все возможности и потребности. А вот в производстве сельскохозяйственных продуктов с необъяснимой небрежностью относятся к понятию «ассортимент» и лихо подменяют зернобобовые пшеницей, ячменем, кукурузой...

В Минсельхозе РСФСР авторов познакомили с одним весьма важным и примечательным документом — постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 апреля 1981 года № 383 «О дальнейших мерах по стимулированию производства и закупок зерна гречихи, проса, фасоли и чечевицы». В этом постановлении учтено многое: и расширение посевных площадей, и совершенствование технологии, и увеличение отпуска удобрений под эти культуры, и создание новых высокопродуктивных сортов, и встречная продажа комбикормов... А в пункте «г» этого документа сказано: «...при подведении итогов соцсоревнования государственные планы закупок зерна считаются выполненными... только при условии выполнения плана государственных закупок зерна гречихи и проса и полной обеспеченности хозяйств семенами этих культур (с учетом страхового фонда) для проведения ярового сева. Сообщать в печать о выполнении государственного плана закупок зерна только при соблюдении указанных условий».

Хорошее постановление, дельное. Жаль только, далеко не всюду и не всегда оно выполняется.

Что же касается гороха, он почти повсеместно остается нелюбимым пасынком, с которым много хлопот, но от которого мало прока. А может быть, следовало бы нашим хозяйствам самим проявить инициативу в решении «гороховой проблемы», не дожидаясь специальных указаний?

Макаров же, отчаявшись купить горох на Белгородчине, махнул по городам и весям, но нигде гороха не сыскал. Говорят, он и по сей день мотается по стране, твердя, как заклинание: «Суп гороховый! Суп гороховый!» А население, дивясь макаровской наивности, дало ему прозвище «шут гороховый».

Впрочем, шут с ним, с этим придуманным Макаровым. Наше сочинение можно было бы начать и так:

«...и захотелось Иванову чечевичной похлебки...»

Или:

«...и захотелось Трифонову фасолевого супа...»

Белгород — Москва.

Трифонову стукнуло полвека!
(Иванов моложе на пять лет.)
Эти два веселых человека
Могут всё: и очерк и куплет.
Овладели кинодиалогом,
В драме проявили мастерство...
Одного соавторы не могут —
Врозь прожить и часа одного.
И хоть нынче юбиляр один,
Их двойной портрет необходим.

В. КОНСТАНТИНОВ, Б. РАЦЕР.

ОПАСНАЯ ЛЮБОВЬ

— Я здесь, Валентина, стою под окном,
Я страстью любовной пылаю,—

вдохновенно декламировал полусамодельные стихи Коля, стоя в полночь с гитарой под окном своей возлюбленной.

Но желанную Коля не увидел. Вдруг в глаза ему посыпался песок, а обломок кирпича угодил по макушке.

— За что, Валентина, мне кара твоя?
За что ты кидаешь каменья в меня?!—

с разбитым сердцем и головой что было мочи завопил влюбленный.

Милая показалась в окне:

— Да нет, дорогой, я камней не кидала
И голос твой ласковый я не слыхала.

В этот момент слетевший сверху кусок штукатурки мазнул влюбленного по носу, а камень, от которого Коля на этот раз успел увернуться, чиркнул по струнам гитары мелодию: «Как больно, милая, как странно...»

— Любимый! Я же тебя предупреждала: надевай на голову мотоциклетный шлем. И объявление тебе показывала, вон оно висит на том же месте:

Товарищи жильцы!
Не подходите близко к дому
- осыпается карниз!

К этой трагикомической истории добавим лишь, что, как сообщают нам **жильцы дома № 100 по ул. Героев Революции г. Новосибирска**, коварный карниз осыпается уже четвертый год на глазах работников ЖКК треста «Запсибтрансстрой».

Как известно, в любви тоже бывают свои трудности. И хорошо, если их удается преодолеть с помощью мотоциклетного шлема.

В. ДЖАВАДОВ.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ МОНУМЕНТ

На этом фотоснимке — цемент. Его везли в высокие широты, в Якутию, преодолевая множество параллелей, чтобы возвести жилые дома и другие полезные сооружения. Но в поселке Усть-Куйга Усть-Янского района, как сообщает нам читатель **А. Зернов**, он лег на берегу и превратился в абстрактную скульптуру.

К ее сооружению приложили руку сразу несколько умельцев. Сначала на Спасском заводе блеснули экономичной упаковкой и цемент в бумажных мешках обернули полиэтиленом — по сорок мешков в пакете. Заметим в скобках: в Якутии зимой не то что полиэтилен — металл лопается. Затем при перевозке пакетов загадочным образом исчезли капроновые ремни, служащие для погрузки, и стропы кранов рвут тот полиэтилен, который не успел лопнуть в пути. Завершил работу над грандиозным сооружением получатель цемента — база «Янснаб» Якутглавснаба.

Так и возник на Крайнем Севере выразительный монумент, мрачно напоминающий о бесхозяйственности и головотяпстве.

Б. ГАНИН.

НЕ ПОД ТОЙ ЗВЕЗДОЙ

Есть, говорят, таинственная связь между лицами, родившимися в феврале, и зодиакальным знаком Водолея. Или между богиней утренней зари Авророй и **В. Ковалевым** из г. Еманжелинска Челябинской области. На этот раз богиня прикинулась кинокамерой «Аврора-219». Полюбовался простодушный кинолюбитель Знаком качества и поспешил запечатлеть близкие уральские просторы.

А потом аппарат — крак! — и сломался.

Получил кинолюбитель в местной мастерской справку, что товар можно менять. Поменял камеру на другую, такую же. Кинулся снимать близких и родных. Снял одну пленку, а камера — бряк! — и сломалась.

В. Ковалеву поскорей бы бросить аппарат в кусты и заняться кактусоводством. Так нет же, послал он его в Ленинград в оптико-механическое ателье, как предписывалось в техпаспорте. Вернулась камера через месяц с тем же дефектом и без штампа ателье ремонта на гарантийном талоне...

Ну, посудите сами: разве это — заурядное явление? На одного человека обрушиваются две подряд дефективные кинокамеры? Нет, не под той звездой родился В. Ковалев.

Р. АЛФИМОВ.

Лилия ДЕНИСОВА, работник киностудии

СОБАЧИЙ ВАЛЬС

Сивкин любил играть на пианино. Правда, играть он умел лишь один «Собачий вальс», но бренчать все равно любил: его постоянно манило что-то к инструменту, где бы он его ни увидел.

Приходя домой, он воровато открывал блестящую коричневую крышку и двумя растопыренными пальцами извлекал звуки из-под голубоватых податливых клавиш. Он извлекал их до тех пор, пока дочь в соседней комнате не швыряла на стол учебник английского и не кричала: «Ну, па!» Сивкин вздрагивал и поспешно закрывал крышку.

Когда дочь уходила к подруге или в кино, Сивкин снова оказывался у коричневого ящика, в котором жило нечто, зовущее к себе, и он снова начинал его извлекать. Хлопала входная дверь, шлепалась сумка, спотыкался табурет — и в проеме останавливалась жена, постукивая твердыми, как нос коршуна, ногтями по дверному косяку. Сивкин пристыженно отдергивал руку от клавиш, говорил: «Ты это...» — и кашлял в кулак.

Видя осуждение домочадцев, Сивкин стал прибегать домой в перерыв и, жуя неподогретую котлету, успевал минут десять поиграть «Собачий вальс» стоя. Но однажды сосед спросил у жены: «Что, вы обратно отдали Эльвирочку в музыкальную школу?» — и экзерсисы в перерыве пришлось прекратить.

Но «Собачий вальс» властно просил выхода, он бродил в душе, растекался по всем сосудам, и, когда кровь доносила его до кончиков пальцев, их начинало покалывать и подергивать. Сивкин не находил себе места. Тогда он приноровился играть после работы в актовом зале. Пианино там было еще лучше, чем дома: старое, черное, со стеклышками, вделанными в красивый узор на передней стенке, и мягкими, глубокими звуками из-под желтоватых клавиш. «Собачий вальс» наполнился новым, особенным смыслом, приобрел философический оттенок, грустную раздумчивость и волнующую тайну. Но однажды в гулком коридоре раздались резкие шаги, и после этого Сивкин уже не мог играть в актовом зале.

Почти два месяца он не подходил к пианино. В конторе была глухая тишина, за окном серая зима, на сердце черная тоска. Только в половине первого каждого дня Сивкин слегка приободрялся: в «Рабочем полдне» иногда играли на пианино. Тогда Сивкин откладывал бутерброд на край своего стола, и пальцы его начинали шевелиться в такт музыке, бушевавшей в динамике, рука двигалась по канцелярской столешнице слева направо и обратно, то широко и легко, то порывисто, делая выпады тем или иным пальцем, замирая и вновь стремительно летя по бланкам и линейкам к кульминации фразы. Однако поиграть по-настоящему было негде, и к середине зимы Сивкин совсем сник. Он перестал гладить брюки и бриться и изъяснялся только слабыми кивками головы. Глаза его часто упирались в замызганное стекло, не видя, что за ним, и пальцы безвольно голубели на серой папке с желтыми тесемками.

В один из дней Сивкин исчез. Он не пришел ни в контору, ни домой. Он устроился ночным сторожем на овощной склад далеко за городом, купил пианино, поставил его в угол, расчищенный от картошки, и, забыв обо всем, дни и ночи напролет играл «Собачий вальс». Он вкладывал в него всю свою истомившуюся душу, и вальс получался очень красивый.

Однажды, когда Сивкин оторвался от клавишей и оглянулся, он заметил в складе какую-то перемену. Она была неуловимой, но она была: маленькие стекла посветлели, как если бы их нечаянно окатило из шланга поливальной машины, а с картофельных клубней ссыпались комочки земли, и они стали красивыми, как старушки, когда они умоются холодной водой, зачешут гребнем свои реденькие волосы и повяжутся беленькими в черных мушках платочками. И Сивкин понял: его слушали.

С приливом новых сил Сивкин принялся за «Собачий вальс», он играл и играл, иногда оглядывался назад, на картошку, и будто слышал: «Ну, играй же!» — и снова играл, правая рука, делая выпады пальцами, стала двигаться слева направо и обратно, как некогда по канцелярскому столу, потом к ней присоединилась левая, и мелодия стала рельефнее и ярче, и это был уже и не совсем «Собачий вальс», а скорее какой-то совсем другой вальс, быть может, «Вальс-каприс», который часто передают в «Рабочем полдне».

Репертуар Сивкина становился богаче и разнообразнее, с ювелирно изящных пьес в ми-минорной тональности, которые особенно удавались ему в первое время, он перешел на экспрессивные «Венгерские танцы» Брамса и заметил, что чем дольше и лучше он их играет, тем крупнее и ярче становятся у картошек фиолетовые глазки и тем опаснее они на Сивкина устремляются. И однажды, когда Сивкину особенно удался танец № 4, глазки шевельнулись и поползли из картошек, превращаясь в кривые макаронины бледных ростков. По мере того, как виртуозность Сивкина обрастала мускулами, картошка обрастала бледными макаронинами, которые ветвились, как кораллы, постепенно наполняясь упругой зеленью и выпрямляясь.

И вот один раз, когда Сивкин, наконец, одолел каденцию первой части фортепианного концерта Грига, в картошке произошел мощный качественный скачок: ростки превратились в тугие стебли, и стебли выбросили листья. Сивкин смотрел на картошку и счастливо смеялся: его игра делала чудеса, умытых старушек на складе уже не было, а были гибкие девушки, которые протягивали к нему свои молодые свежие листья и открыто просили: «Играй! О, играй!»

И Сивкин играл.

За маленькими окошками все еще была зима, а на картофельном складе готовилось начаться лето, в нем зеленело молодое поле, которому, чтобы выжить, не хватало только солнечного тепла, и тогда Сивкин заиграл «Баркаролу», которую также часто передают по радио: ласковый свет июньского дня проглянул сквозь холодную февральскую лазурь, медовая июньская теплынь разлилась в воздухе, и картошка зацвела. Сперва один, потом другой белый цветочек с нежной розовой серединкой выглянул из веселых зеленых зарослей, потом бело-розовая пена покрыла все пространство складского помещения, и один раз Сивкину даже послышалось, что где-то жужжит пчела.

Сивкин плакал, слизывая с губ соленые слезы.

Он счастливо всхлипывал, оглядываясь иногда через плечо, и все играл, играл свою картофельную музыку, радостно думая, что вот еще чуть-чуть, только удачно нащупать тему, и тогда — небывалый под этим солнцем урожай картофеля...

За спиной заскрипела заржавленными петлями замерзшая снаружи дверь, и на пороге появился заведующий овощной базой. Обросший, истощенный до неузнаваемости, но сияющий, Сивкин бросился ему навстречу.

На другой день он был уволен с работы по надлежащей статье с удержанием из зарплаты суммы нанесенного ущерба.

г. Ялта.

Вячеслав СЫСОЕВ, юрист

ОШИБКА В ОБЪЕКТЕ

Кто-то крался в ночи.

«Приметы как будто совпадают. Вот и мостик через овраг. Забор высокий, однако. Где же обещанная лестница? Пустяки, перелезу. Порядок! Вроде то самое помещение? Что же он петли на дверях не смазал? Скрипят — аж барабанные перепонки лопаются. Кажись, эти мешки?»

Луч фонарика выхватил из темноты мешки, в которых должен быть комбикорм.

«Какой тут из них? Ага, вот этот. Ох, и тяжел».

Не просто было взвалить его на спину.

«Ах, так? Да я его в момент».

Злоумышленника обуял азарт. Сгоряча он легко вынес мешок, играючи перекинул его через забор, с первой попытки преодолел брумелевскую высоту. Бегом, не останавливаясь, донес нелегкую ношу до дома соучастника. Отдышался.

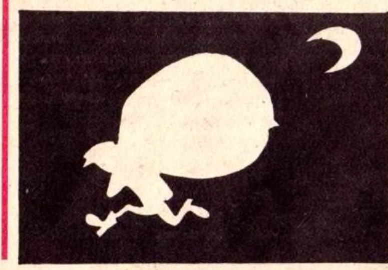
«Сколько километров я бежал? Так-так, это же надо — почти три с гаком».

— Ну что ж! — подвел результат соучастник.— Ты честно поработал. Как и договорились, получай за труды литровку первача. А я и стаканы приготовил. Наливать?.. Ну, как первач?

— Крепкий у тебя самогон.

— Для себя делаем. Помоги мешок занести в сарай. Постой. Ты что мне принес? — взревел хозяин самогона.— Я тебя разве за удобрением посылал? Да я этого добра днем, на виду у всех, сколько хошь со склада вывезу!..

г. Москва.

Алла РЫВЧИНА, музыкальный руководитель детсада

ТАК БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Я не герой, нет, не дорос...
Но почему так гложет
Меня шекспировский вопрос,
Что Гамлета тревожит?
Быть мне на диско иль не быть?
Вопрос, быть может, странный,
А если нет, то где ж убить
Мне уикэнд желанный?
Ведь в этих диско меньше мест,
Чем надо молодежи.
Нам не оказывают честь
Кафе и клубы тоже.
Спешить туда не стóит — зря!..
В кружок не записаться...
На стадион пойду, друзья,
Чтоб спортом заниматься.
— Для молодых ты слишком стар! —
Кричит мне тренер в рупор.—
Поздненько выходить на старт,
Иди в «здоровья группу»!
— Для групп здоровья молод ты:
Ты и без них здоровый,—
Развеял врач мои мечты,—
Иди в спорткомплекс новый.
— Спорткомплекс наш —
для тучных дам,—
Сказали с удивленьем,—
Ступай в бассейн и плавай там —
Такое наслажденье!
Один бассейн, шестой, восьмой...
Ответ повсюду грозный:
— Плыви-ка, миленький, домой,
Плыви, пока не поздно!
Я не боксер, не альпинист,
Не рекордсмен чего-то,
Я не очкарик-шахматист,
Но все же тоже «кто-то»!
Шекспира не могу забыть.
Ну, как же: быть или не быть?!

г. Киев.

«Рогач», ЧССР.

Турист, впервые приехавший на Мальту, был ошарашен сумбурным уличным движением. Полицейский объяснил ему:

— Понимаете, в некоторых странах движение правостороннее, кое-где — левостороннее, а у нас движение по теневой стороне.

— Как вам удалось при ваших скромных заработках построить такой роскошный дом?

— Я честно отсидел за него три года.

— Официант, у меня в супе плавает таракан, что это значит?

— Простите, синьор, я подаю на стол, а не истолковываю приметы.

Слова, слова...

Никогда не нужно гнуться в пояснице, если можно просто стать на колени.

Клерикальный трюизм.

Легче всего переносить трудности на плечах подчиненных.

Шутка византийских чиновников.

Любители легкой жизни обычно стараются перейти в профессионалы.

Ив Нюк, французский юморист.

Не женское это дело — быть современной женщиной!

Мужская шутка.

Ничто так не сплачивает людей, как общие заблуждения.

Еще одно общее заблуждение.

Амброз БИРС (США)

ИЗ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫХ БАСЕН

СУРОВЫЙ ПРИГОВОР

Приговорив преступника к каторге, судья приступил было к проповеди на тему об аморальности и пагубности любого нарушения закона, равно как и о благотворном влиянии исправительных домов.

— Ваша честь, — прервал преступник его излияния, — не могли бы вы ограничить приговор только десятью годами каторги и не подвергать меня никакому другому наказанию?

— Но ведь я дал вам всего три года! — воскликнул изумленный судья.

— Я знаю, ваша честь, приговор гласил: «Три года каторги и профилактическая беседа». Так вот, если вы не против, я попросил бы смягчить наказание и прибавить еще семь лет вместо вашей профилактической беседы.

АЛАЯ СВЕЧКА

Человек, лежащий на смертном одре, подзывает жену и говорит:

— Скоро я покину тебя навеки. Дай же мне еще одно, последнее доказательство своей любви и верности. В моем письменном столе лежит свеча из алого воска. Она освящена верховным жрецом и обладает магической силой. Поклянись мне, что, пока существует эта свеча, ты не выйдешь замуж.

Жена поклялась. Человек умер. На похоронах вдова стояла у изголовья гроба и держала в руках горящую алую свечку...

СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ

Миллионер, пришедший в богадельню навестить отца, повстречал там своего соседа. Тот несказанно удивился и воскликнул:

— Неужели вы иногда приезжаете к отцу? Вот не знал!

— Уверен, что и он навещал бы меня, случись нам поменяться ролями, — отвечал миллионер. — Старик всегда считал меня своей гордостью. Кроме того, — с нежностью добавил сын, — я собираюсь застраховать жизнь отца, и мне необходима его подпись на полисе.

ПОБЕДИТЕЛЬ

— Не хотелось бы вас расстраивать, мой любезный друг, — сказал полководец, победоносно завершивший осаду крепости, плененному коллеге, — но должен признаться, что в моем войске начался мор, и я наверняка сдался бы на вашу милость, не успей вы опередить меня и сложить оружие.

— Именно этого я и боялся больше всего на свете, — отвечал командир побежденных. — Дело в том, что мои солдаты уже начали грызть ремни. Успей вы сдаться в плен, мне нечем было бы кормить ваших людей.

Перевел А. ШАРОВ.

САТИРА
В БОРЬБЕ ЗА МИР
ЧЕТВЕРТАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ВЫСТАВКА

Выставка открывается 21 октября 1983 года в Москве в залах Академии художеств СССР.

В следующем номере мы познакомим читателей с рядом работ, сделанных для этой выставки.

КРОКОДИЛ

№ 30 (2436)
октябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
д. 14

Телефоны:
250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

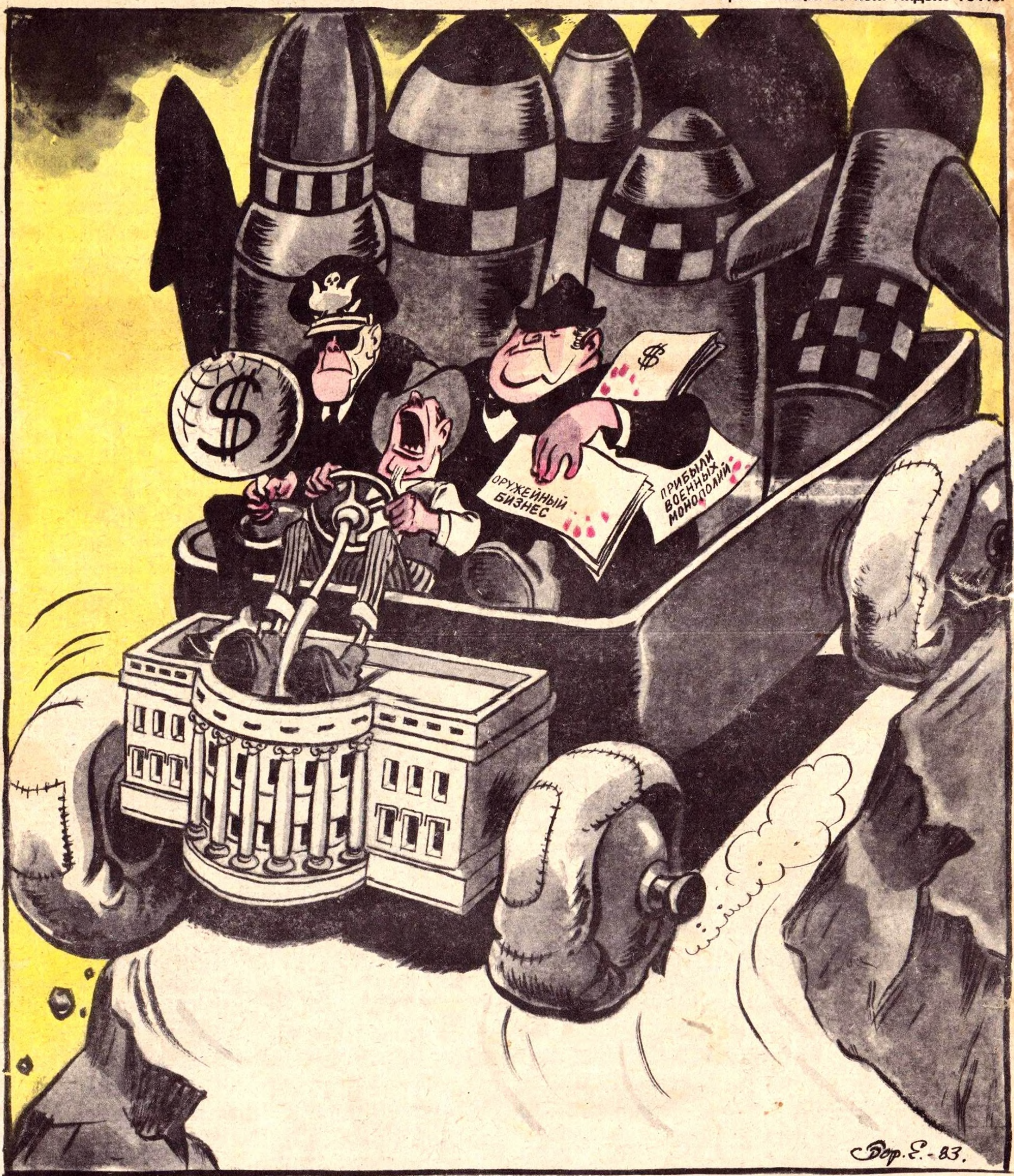
Темы рисунков этого номера придумали: Н. Белевцев (г. Белгород), М. Битный, М. Вайсборд, В. Владов, Е. Горохов, Р. Друкман, Е. Милутка, В. Мохов, И. Норинский, М. Смиренский, В. Тильман, Л. Филиппова.

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Сдано в набор 21.09.83.
Подписано к печати 28.09.83.
А 02794.
Формат бумаги 70×108 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 580 000 экз.
(1-й завод: 1—3 431 650 экз.).
Изд. № 2437.
Зак. № 1486.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

Весьма рисковая картина:
По воле гонщиков-тузов
Милитаристская машина
Летит без всяких тормозов.

Но доведет господ едва ли
Такая гонка до добра:
Не жмите, боссы, на педали —
Притормозить давно пора!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА.